

УЧЕБНЫЕ ЗАПИСКИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

2016 ВЫПУСК 1 (53)

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ**

№ 1 (53) • 2016

Главный редактор

*В. А. ГНЕВКО, доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

Редакционный совет:

*Л. А. АНОСОВА, начальник Отдела общественных наук РАН, заместитель
академика-секретаря по научно-организационной работе Отделения
общественных наук РАН, доктор экономических наук, профессор;*

*В. БЕРГМАНН, вице-президент Европейской академии наук и искусств,
член правления форума «Петербургский диалог»,
доктор юридических наук, почетный профессор СПбУУиЭ;*

*В. М. БОЕР, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного
университета гражданской авиации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный
юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ;*

*Г. А. БРУТЯН, советник президиума НАН Республики Армения, президент
Международной академии философии, доктор философских наук, профессор,
академик НАН РА, заслуженный деятель науки Армении;*

*И. И. ЕЛИСЕЕВА, директор Социологического института РАН, доктор экономических
наук, профессор, член-корреспондент РАН;*

*В. В. ИВАНТЕР, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
академик РАН, почетный профессор СПбУУиЭ;*

*В. Л. КВИНТ, заведующий кафедрой Московской школы экономики
МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор школы бизнеса
Лассальского университета (США), иностранный член РАН;*

*С. В. КУЗНЕЦОВ, директор Института проблем региональной экономики РАН,
доктор экономических наук, профессор;*

*А. В. МАЛЬКО, директор Саратовского филиала Института государства
и права РАН, вице-президент Ассоциации юридических вузов России,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;*

*Б. Н. ПОРФИРЬЕВ, заместитель директора Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, почетный профессор СПбУУиЭ*

Редакционная коллегия:

*В. А. ГНЕВКО, главный редактор, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ;*

С. А. БЕЛОЗЕРОВ, доктор экономических наук, профессор;

С. С. БРАЗЕВИЧ, доктор социологических наук, профессор;

*А. И. ДОБРЫНИН, доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ;*

Е. С. ИВЛЕВА, доктор экономических наук, профессор;

Ю. В. КУЗНЕЦОВ, доктор экономических наук, профессор;

Я. А. МАРГУЛЯН, доктор социологических наук, профессор;

С. А. УВАРОВ, доктор экономических наук, профессор

Научные редакторы выпуска:

Л. Е. ЧЕРТОК, кандидат экономических наук, профессор;

В. Н. САМОТУГА, кандидат исторических наук, доцент

Адрес редакции: 190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44, лит. А.
Тел.: 363-11-69.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru; izdat@spbume.ru

© Коллектив авторов, 2016
© Санкт-Петербургский университет
управления и экономики, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методика профессионального образования

- А. А. Федюковский. Самообразование в системе непрерывного лингвистического образования* 5
Н. А. Юдина. Профессиональное образование в Российской Федерации: результативность и эффективность развития 10

Общее и прикладное языкознание

- А. Ю. Аристов. Роль фитонимов в построении образного ряда поздних романов Уильяма Морриса.* 19

Литературоведение

- Л. Д. Бондарь. Лингвистические экспедиции Императорской Петербургской академии наук в Сибирь в XVIII–XIX вв.: вклад в становление отечественного языкознания в области языков сибирских народов.* 23
Ф. В. Макаричев, Н. А. Макаричева. Полифонизм индивидуализированных контекстов как научная проблема: неизбежность концепции М. М. Бахтина . . . 35

Текстология и литературное редактирование

- Т. А. Иванченко, А.-М. Ариас. Исследование языковых средств, выражающих неопределенную референцию лица, в художественном тексте* 45

Психология управления

- Т. Г. Кукулите, Е. А. Матвеевкова. Исследование мотивационной сферы менеджеров по работе с клиентами* 51

Региональная экономика

- А. Н. Леонтьева, С. А. Иванов. Формирование региональной системы управления человеческим капиталом.* 64
Основные требования к оформлению рукописей при сдаче в издательство. 72

рыцарских романов, а какие дубы являются символом, предлагающим читателю особый взгляд на описываемые события. Возможно, ко всем этим вопросам еще придется обратиться в дальнейших исследованиях.

Подобный анализ контекстов используемых Моррисом фитонимов можно будет продолжить за счет других романов, что может положить начало сбору материала для составления словаря языка Уильяма Морриса.

Литература

1. Аристов А. Ю. Поэт и мелкий лавочник // Моррис У. Лес за Гранью Мира: Сборник / [Пер. с англ. А. Ю. Аристова]. М.: Эксмо, 2015. С. 5–18.
2. <http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/en-ru/Thorn>.
3. Чуковский К. И. Оскар Уайльд // Собрание сочинений в 15 т. Т. 3. М.: Терра — Книжный клуб, 2001: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Wilde.htm>.
4. Morris W. The Wood Beyond the Word. Longmans, 1913: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/3055/3055-h/3055-h.htm#startoftext>.
5. Morris W. Child Christopher and Goldilind the Fair. Longmans, 1913: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/234/234-h/234-h.htm>.
6. Morris W. The Well at the World's End. Longmans, 1913: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/169/169-h/169-h.htm>.
7. Моррис У. Лес за Гранью Мира: Сборник / [Пер. с англ. А. Ю. Аристова]. М.: Эксмо, 2015. 832 с.
8. Википедия. Сводная энциклопедия: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Hazel>.
9. Википедия. Сводная энциклопедия: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Crataegus_monogyna.
10. Википедия. Сводная энциклопедия: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Prunus_spinosa.
11. Derksen R. Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. Leiden; Boston: Brill, 2008.
12. Википедия. Сводная энциклопедия: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Rose>.
13. Википедия. Сводная энциклопедия: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Oak>.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81'44

Л. Д. Бондарь

Лингвистические экспедиции Императорской Петербургской академии наук в Сибирь в XVIII–XIX вв.: вклад в становление отечественного языкознания в области языков сибирских народов¹

L. D. Bondar'. Linguistic Expeditions of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences in Siberia in the XVIII–XIX Centuries: Contributions to the Development of Domestic Linguistics in the Field of Languages of Siberian Peoples

Статья посвящена обзору и анализу результатов академических экспедиций в Сибирь в XVIII–XIX вв., заложивших научную основу изучения нескольких групп языков: палеоазиатских, финно-угорских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, монгольских.

Ключевые слова: лингвистические экспедиции, академические экспедиции, языки сибирских народов

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44, лит. А

The article is devoted to the review and analysis of the results of academic expeditions to Siberia in the XVIII–XIX centuries. The scientific basis of the study of several groups of languages such as Paleoasian, Finno-Ugric, Turkic, Manchu-Tungus and Mongolian. Were laid by this expedition.

Keywords: linguistic expeditions, academic expedition, languages of Siberian peoples

Contacts: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103

Можно смело утверждать, что академические экспедиции стали первым средством эмпирического изучения населения и природных ресурсов Российской империи. Собранные в результате экспедиций материалы и сведения заложили основу научного изучения отдельных территорий и этносов обширного Российского государства, в том числе послужили складыванию отечественной лингвистики.

Первые научные путешествия состоялись еще до времени основания академии, однако их материалы поступили в созданную в 1725 г. Академию наук и представляют собой часть ее архивного фонда. Одной из таких экспедиций была

Лариса Дмитриевна Бондарь — ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, доцент Санкт-Петербургского университета управления и экономики, кандидат исторических наук.

© Л. Д. Бондарь, 2016

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-00010.

экспедиция 1720–1727 гг., возглавляемая врачом из Данцига Даниилом Готлибом Мессершмидтом (1685–1735, *Daniel Gottlieb Messerschmidt*), проехавшим район Даурии, далее — по реке Кет до Нарыма на Оби и оттуда до реки Иртыш, дневник которого на немецком языке, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН), частично был издан в середине XX в. в Берлине [1].

Главные результаты лингвистических исследований экспедиции Д. Г. Мессершмидта были обнаружены его спутником, который был известен в России как Филипп Иоганн Табберт, а в европейской науке, после получения дворянского титула, — как Филипп Иоганн фон Страленберг (1676–1747, *Philipp Johann von Strahlenberg*). Шведский капитан, участвовавший в войне Карла XII с Россией, он попал в плен и был сослан в Сибирь, в Тобольск. Именно там с ним познакомился Д. Г. Мессершмидт и добился его включения (наряду с другими пленными шведами) в состав экспедиции.

Еще до знакомства с Д. Г. Мессершмидтом Ф. И. Страленберг, находясь в Тобольске, увлекся изучением сибирских народов, историей так называемых татар, а также проводил картографические работы. Во время путешествия по Сибири в составе экспедиции Д. Г. Мессершмидта с марта 1721 г. по 28 мая 1722 г. он продолжил свои научные изыскания. В это время в его обязанности входило ведение официального дневника экспедиции. В течение 14 месяцев он был «честным, набожным, верным и прилежным помощником» Д. Г. Мессершмидта в сибирской экспедиции.

Когда после заключения Ништадтского мира Ф. И. Страленберг вернулся в Швецию, он приступил к обнародованию своих исследований. В 1726 г. вышла в свет его работа „Vorbericht eines zum Druck gefertigten Werckes von der grossen Tartarey und dem Koenigreiche Siberien” [2]. А в 1730 г. он издал самый крупный свой труд под заглавием (с сокращениями) „Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia” [3]. Книга Ф. И. Страленберга состоит из двух больших частей. В качестве приложения книги опубликована составленная Ф. И. Страленбергом карта.

Как известно, Ф. И. Страленбергом были составлены три варианта карты Сибири. Первые две были отобраны у исследователя по приказанию сибирского губернатора князя М. П. Гагарина с запретом заниматься картографией. Карта была завершена только после ареста и казни М. П. Гагарина [4]. Карта Ф. И. Страленберга впервые была опубликована в 1725 г. [5], а позднее — в указанном издании. Первая часть его книги, собственно, представляет собой подробное описание этой карты. Издание сопровождается публикацией целого ряда таблиц с изображением археологических находок, а также надписями иероглифического или идеографического характера.

В первой части книги находятся наиболее интересные для современного исследователя материалы и идеи, которые до настоящего времени обсуждаются учеными-лингвистами и этнографами. Неславянские народы Московского государства вплоть до начала XVIII в. были известны в Европе под именем татар. Ф. И. Страленберг впервые публично выступил против такого заблуждения, заявив, что оно возникло из-за незнания реальной картины этнического мира Сибири, ибо на этой территории проживают много различных народов.

Ф. И. Страленберг предложил классификацию этих народов на основе лингвистических данных, установив связь между языковыми группами. Он сопоставил 32 языка и отобрал из каждого около 60 слов, представляющих собой ядро повседневной лексики, в том числе числительные от 1 до 10.

На основе анализа этой лексики он разбил неславянские народы на шесть групп (данные сведены в таблицу «Свод языков северо-восточных народов, в просторечии

татар»): 1) народы, составляющие в совокупности обро-венгерскую и финскую нацию, имеющие «единый диалект», живущие в Европе и Азии: венгры, финны, вогулы, мордва, марийцы, пермяки, вотяки и остяки; 2) тюркские народности: якуты, чуваша, сибирские татары; 3) народы самодийские (самоедские); 4) народы «не состоящие под одним управлением», но родственные по вере: калмыки, маньчжуры и тангуты или тибетцы; 5) народы южносамодийские, тунгусские, палеоазиатские; 6) кавказские народы.

И хотя выводы Ф. И. Страленберга расценивают теперь как весьма несовершенные, он пришел, в целом, к правильным выводам. Он впервые сумел продемонстрировать родство финно-угорских народов, а также высказал идею ура-ло-алтайского родства. Указания Ф. И. Страленберга на сходство южносибирских и североевропейских культурных комплексов и его лингвистические выводы породили позже стремление искать прародину финно-угорских народов в Сибири, в частности на Алтайско-Саянском нагорье. Ф. И. Страленберг рассматривал Сибирь как арену миграций народов в древности, вследствие чего эти народы интенсивно смешивались.

Оценивая результаты этих лингвистических изысканий, нельзя не задаться вопросом, сколь всецело могут принадлежать эти выводы исследованиям Ф. И. Страленберга и каков вклад Д. Г. Мессершмидта.

Читая дневники Д. Г. Мессершмидта, мы находим большое количество словников различных народов, составленных путем опроса местного населения. Семантический охват лексики, как правило, одинаков: это счет, слова, обозначающие родство, основные астрономические понятия, стихии, названия самых важных животных и пр.

Такие словники содержатся в первой части дневников, написанных во время пребывания в экспедиции Страленберга в местах расселения сибирских татар. Таких записей пять: 1) словник камасинского языка («На нем говорят татары между Енисеем и рекой Ангарой, или у Канского и Удинского острогов на реках Уда и Кан»; запись от 26.12.1721); 2) словник койбал-киштимского языка («на нем говорят татары на реке Кан»; запись от 26.12.1721); 3) несколько слов татар, называемых айош (Ajosch; запись от 17.02.1722); 4) калмыцкие медицинские термины, записанные доктором (9.03.1722); 5) несколько слов качинских татар (живущих на реке Кач; запись от 13.05.1722) [1, S. 163, 180–181, 193, 216].

Однако после того, как Ф. И. Страленберг покинул экспедицию, языковые записи интенсивно продолжались, более того, частота записей таких словников — *vocabula* — даже увеличилась: 7 записей за 2 месяца 1722 г. по сравнению с 5 записями за 14 месяцев пребывания в экспедиции Ф. И. Страленберга. Кроме барабинских татар составлены словники большого числа сибирских народов (тунгусы, самоеды, буряты, остяки, коми и пр.).

Более того, новые словники становятся не просто механически составленными списками, а начинают включать в себя элементы компаративистского анализа, как, к примеру, в записи от 3 июня 1722 г.: «Татары дали мне следующие *Vocabula*: *Ylimdsuck* — ‚aranea, eine Spinne’, русск. *паук*, [...] *Ssitt* — ‚lac, Milch’, русск. *молоко*, славянское [церковнославянское] *млеко*» [Ibid, S. 230].

Интересно, что в записи, сделанные при Ф. И. Страленберге, позднее были добавлены замечания, отражающие попытку классифицировать новый язык путем поиска родственного. О камасинском языке: «Этот камасинский язык скомбинирован из лаак-остякского и тавго-самодийского языка, который я нашел у Енисея к Мангазею» [1, S. 163]. О койбал-киштимском: «Этот язык собственно остяцкий, как я его позднее нашел у Енисея, хотя он частично исковеркан» [Ibid, S. 163].

Интересно появление записей, отражающих интерес к истории языка. Так, находясь в одном из племен киштимских татар, Д. Г. Мессершмидт обнаружил известный ему ранее инструмент, с которым он познакомился в другом татарском племени. Этот инструмент они называли *Dzajetan*. Однако местные татары сказали, что он называется *Gajetan*. За чем последовал вопрос Д. Г. Мессершмидта, отразивший его внимательные наблюдения над татарскими языками: по какой причине звуки *ja, je, ji, jo, ju zu ga, ge, gi, go, gu* изменяются на *dja, dje, dji, djo, dju zu dsa, dse, dsi, dso, dsu*. Разумеется, местный житель не смог дать ответ на этот вопрос [Ibid, S. 161].

Также дневник становится значительно богаче в отношении биологических терминов, где также присутствует лингвистический интерес: названия птиц, животных и растений даются на разных языках. Весь этот лингвистический материал будет позднее продуктивно использован, в частности, при составлении многоязычных индексов сибирских птиц в работе „*Avium in Sibiriae Regno reperire undare lustrationes*” [6, л. 66–89; 7], которая представляет собой список птиц, названия которых даны на русском языке с латинской транскрипцией, а также на латинском, немецком и целом ряде сибирских и восточных языков.

Записи лингвистического характера не прекращаются до последних страниц дневника. Один из последних народов, подробно описанных Д. Г. Мессершмидтом, — удмурты. Словник удмуртского языка, записанный 27 декабря 1726 г., отражает эволюцию методологии изучения языков по сравнению с первыми словарями и получает значительно большую научную ценность: 1) словарь обширный (включает более 300 лексических единиц), 2) расширено семантическое поле исследуемой лексики, 3) в качестве переводного языка выбран латинский — универсальный язык научного мира Европы [8, S. 46–52] (в отличие, кстати, от языка словаря Ф. И. Страленберга, апеллировавшего к немецкому) (по удмуртскому словарю см.: [9; 10]).

Прочий архивный материал также отражает глубокие лингвистические интересы Д. Г. Мессершмидта. Так, в архиве хранится рукописный словарь языков сибирских татар („*Vocabularium polyglottum Tattaricum*”), в котором аккумулирован весь словарный материал, собранный Д. Г. Мессершмидтом в Сибири с 1720 г. Отдельные разделы словаря составлены по разным принципам: частично это немецко-татарский словарь, частично — татарско-немецко-латинский, частично — латинско-татарско-немецкий [11].

Наиболее интересными являются многочисленные отрывочные записи разных лет, представляющие собой образцы письма и алфавиты самых разных восточных языков (грузинский, персидский, арабский, татарский, даурский, маньчжурский и пр.), иероглифические записи [12]. Есть записи, представляющие собой что-то вроде «прописей» с упражнениями в написании знаков разных письменностей (например, [Там же, л. 137]). Часть записей датирована 1733 г. и отражает систематический интерес ученого к сравнительному изучению языков. Погружение и углубление ученого в эту проблему продолжалось, вероятно, до конца его жизни.

Сопоставление книги Ф. И. Страленберга и архивных материалов Д. Г. Мессершмидта доказывает, что Ф. И. Страленберг скопировал часть материалов и рисунков из путевого дневника Д. Г. Мессершмидта и впоследствии опубликовал в своей работе (ср.: [13, S. 138]). Публикацию Ф. И. Страленберга можно также сопоставить с приложением к IV рапорту Д. Г. Мессершмидта 1720 г., в котором имеется сравнительная таблица „*Specimen der Zahlen und Sprache einiger Orientalischen und Siberischen Völker*”, содержащая данные о числах

и некоторых других словах 20 языков, в том числе 9 финно-угорских [14, л. 25–26 об.].

Сам Ф. И. Страленберг прямо пишет в предисловии к своей книге: «Я ждал скорого возвращения моего хорошего друга, который провел в названных отдаленных краях еще больше времени, чем я, чтобы он вместо меня принял на себя этот труд, поскольку он как ученый сделал бы это, вероятно, лучше». Из-за отсутствия сообщений от Д. Г. Мессершмидта он принял решение сам опубликовать собранный материал [3, S. b2].

Нельзя игнорировать и тот факт, что Ф. И. Страленберг является фактически автором одной книги и не был ученым по своему образованию, поэтому не следует рассматривать Ф. И. Страленберга в качестве самостоятельного исследователя. А. И. Терюков отмечает [15], что на рубеже XVII–XVIII вв. в научных кругах России, Германии и Швеции возникает «идея о финно-угорском родстве», которая постепенно становится предметом серьезного исследования. Во многом на это повлияли идеи Г. В. Лейбница (1646–1711), автора теории о генетическом родстве языков и народов. Именно Д. Г. Мессершмидт был тем человеком, который был хорошо знаком с теориями Г. В. Лейбница и активно опирался на них в своих исследованиях, в том числе лингвистических.

Таким образом, безусловно, следует считать, что опубликованные Ф. И. Страленбергом лингвистические данные явились результатом совместных усилий двух ученых и товарищей в поисках языкового материала. А выводы, сделанные в работе, — результатом научного руководства Д. Г. Мессершмидта этими исследованиями [16].

И хотя положения, изложенные Мессершмидтом — Страленбергом, с позиций современной науки являются несовершенными, все же они сделали первые верные выводы о родстве языков северо-европейских и южносибирских народов: вогульского, мордовского, черемисского, пермяцкого, вотяцкого, остяцкого, — что легло позднее в основу теории о сибирской прародине финно-угорских народов (в частности, на Алтае-Саянском нагорье).

К аналогичным выводам впоследствии пришел также Петер Симон Паллас (*Peter Simon Pallas*, 1741–1811) [17], приглашенный Екатериной II на службу в Российскую академию наук в 1767 г., опираясь на серьезные лингвистические изыскания в результате исследований, находясь во главе первого отряда так называемых Оренбургских физических экспедиций (1768–1774 гг.), отправившегося затем из Оренбургского края в Сибирь. Однако естественнонаучными и собственно этнографическими наблюдениями экспедиционные исследования не ограничивались. Существенную долю занимали лингвистические исследования [18].

Архивный материал экспедиции Палласа, помимо огромного количества документов организационного и финансового характера и писем непременно секретарю Иоганну Альбрехту Эйлеру (*Johann Albrecht Euler*, 1734–1800) [19] и Герхарду Фридриху Миллеру (*Gerhard Friedrich Müller*; 1705–1783) [20], включает в себя материалы, имеющие научный интерес и частично использованные Палласом в его будущих работах. Экспедиционный отряд, согласно „*État de la Suite du Professeur Pallas*” [21], состоял изначально из следующих персон: студенты Василий Зуев, Никита Соколов и Антон Вальтер, а также чучельщик Шумской, рисовальщик Дмитриев и обслуживающий персонал в лице кухарки и охотника.

Записки названных студентов находятся среди документов СПбФ АРАН. В бумагах Географического департамента имеется описание поездки будущего академика, а в то время еще студента Никиты Петровича Соколова (1748–1795)

к границам Китая. Эту поездку Н. П. Соколов осуществил по поручению Палласа и представил ему отчет: «Журнал студента Никиты Соколова на места от Кухубаевского караула вниз по Китайской границе до Аргуновского острогу» (29 листов) [22]. Хотя этот дневник содержит довольно ценные сведения и был использован П. С. Палласом в его общем описании, никаких лингвистических или этнографических сведений он не содержит.

Другой студент, также будущий академик, Василий Федорович Зуев (1754–1794) составил записи этнографических наблюдений во время его отдельной поездки к устью реки Оби и берегам Ледовитого океана. П. С. Палласом была прислана в Академию наук рукопись В. Ф. Зуева с посвящением своему учителю, носящая заголовок: «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов. Сочиненное Василием Зуевым» (127 листов). О языке — лишь небольшая заметка менее чем на страницу непрофессионального характера: «Язык у всех диких самоедов одно наречие имеет, которое произносится очень глухо и неясно; говорят в нос с большою ужимкою, так что и слова хорошенько выслушать не можно; однако в некоторых словах многое сходство имеется с остяцким языком, который произносится более гортанными литерами и гораздо яснее, нежели последние» [23, л. 3 об.].

Основная масса лингвистических наблюдений была сделана при непосредственном участии П. С. Палласа; полученные выводы, в частности, нашли свое отражение в большом труде П. С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий» [17]. Сюда включено 273 понятия на 200 языках Азии и Европы; приведены термины родства, названия зверей, домашних животных, птиц, природных явлений и т. д. При составлении словаря были использованы материалы Г. Л. Х. Бакмейстера — первого составителя сравнительного словаря, однако большой пласт материала дали собственно лингвистические изыскания в ходе академической экспедиции 1768–1774 гг.

В качестве другой попытки систематизировать сравнительный лексический материал можно указать на способ оформления разделов его известной «Zoographia Rosso-Asiatica», где латинское наименование вида дополнено эквивалентами из различных языков. Подобные разделы выглядят в его труде следующим образом:

“1. RANA cachinnans <...>

Rossice, ut omne genus, Laeguschka.

Tataris, item generatim, Bakà; Kirgisis Kal-bakà,

Bocharis Sawdag; Persis Kur-bagà.

Calmuccis Mekelé, vel Maelaekèi; Bul-maelaekèi.

Tschercessis Hander — Kwaka” [24].

Архивный экспедиционный материал Палласа включает в себя его подробный дневник за 1768 г. [25], а также затрагивающие отдельные научные вопросы очень подробные его рапорты в конференцию АН за 1768–1774 гг. [26; 27], некоторые рапорты имеют русские переводы. Из собственно лингвистического материала можно указать на подшитый к рапортам мордовский словник [28, л. 206–212], содержащий латинские слова и их эквиваленты в мордовском в кириллической графической записи (ср. словник, сохранившийся в письмах П. С. Палласа: [29, л. 8–13]). Словник составлен в 1768 г. и содержит 540 языковых единиц (в словнике, находящемся среди писем, — 539), представляющих собой числительные, астрономические термины, название частей света, ветров, времени суток, дней недели, времен года, географические понятия, названия деревьев, частей расте-

ний, частей тела, предметов быта, животных (домашний скот и диких животных), существительные, описывающие родственные отношения, обозначающие цвета, прилагательные, в том числе обозначающие размеры, наречия места и времени, несколько глаголов.

Важная заслуга в сборе и обработке лингвистического материала принадлежит еще одному спутнику П. С. Палласа — переводчику Иоганну Иеригу (*Johann Jählig*, 1747–1795). Его биография отчасти изучена [30; 31, S. 413–461]¹. П. С. Паллас познакомился с юным И. Иеригом во время своего путешествия в Саратов. И. Иериг был одним из представителей поволжской немецкой колонии гернгутеров — Сарепты, одной из миссий которой была проповедь Евангелия среди калмыков и других монгольских и азиатских народов России на пути в Центральную и Юго-Восточную Азию. К моменту знакомства с П. С. Палласом И. Иериг выучил монгольский и калмыцкий языки.

П. С. Паллас высоко оценил способности И. Иерига, которого впоследствии назвал лучшим знатоком калмыцкого языка, и в своем письме к И. А. Эйлеру из Царицына (от 13 сентября 1773 г.) выразил желание прикомандировать его к экспедиции с жалованием на 3 года и с возможностью дальнейшего использования его для перевода монгольских рукописей из академической библиотеки; П. С. Паллас выразил готовность составить инструкцию для И. Иерига. Просьба П. С. Палласа была удовлетворена, и И. Иериг был приглашен на службу в академию на 3 года с окладом 100 рублей в год [32].

И. Иериг приступил также к изучению тибетского (или как его называли в то время — тангутского) языка, и в 1774 г. П. С. Паллас составил для него новую инструкцию: «Новая инструкция по обстоятельному изучению тангутского языка и сбору разнообразных полезных свидетельств, касающихся монгольских народностей» („Neue Instruction an den zu gründlicher Erlernung der Tangutischen Sprache und Sammlung allerlei nützlicher, die mongolischen Völkerschaften betreffender Nachrichten“) [33, л. 65–78 об.]. Все экспедиционное время И. Иериг изучал языки: калмыцкий, монгольский и тибетский, а также древние памятники в районах Астрахани, Енотаевской, Оренбурга, Иркутска, Гусиного Озера, Удинска, Кулун-Нора и Кяхты. Помимо этого он присылал в Академию наук естественнонаучные коллекции и географические описания, собрал богатейшую коллекцию растений этого края [34, с. 401–403, 409].

И. Иериг работал для академии до самой смерти, получая от нее содержание.

Все рукописное наследие И. Иерига было передано в 1819 г. из академического архива в только что созданный Азиатский музей (сегодня — Институт восточных рукописей РАН), где был сформирован фонд Иоганна Иерига; еще в середине XIX в. рукописи были описаны Б. Дорном [35, S. 9–10, 122]. В СП6Ф АРАН сохранились деловая переписка И. Иерига с Академией наук в фонде Конференции и его письма к Г. Ф. Миллеру: 56 писем-рапортов с 4 апреля 1778 г. по 14 октября 1780 г. [36]. Фрагменты его рапортов были в свое время опубликованы [37; 38]. Материалы И. Иерига были, в частности, включены в труд П. С. Палласа в работу „Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften“ [39].

Все же крупнейшим академическим предприятием в Сибири в XVIII в., давшим в том числе важный по объему и значению и разнообразный языковой материал, была экспедиция, получившая название «Великая северная, или Вторая камчатская экспедиция» (1733–1743). Исследования проводились

¹ В 2008 г. был издан художественный роман К. Швейцера (*Karlhein Schweizer. Johann Jählig*), прототипом главного героя которого стал И. Иериг.

семью отрядами, а собранный материал из самых разных областей знаний был настолько велик, что его изучение и обнародование, начало которому было положено сразу после окончания экспедиции, продолжается и по сей день, при этом огромный пласт архивных материалов остается не только не опубликованным, но даже не описанным. В трудах членов этой экспедиции было заложено научное изучение Сибири. Обширность накопленного в ходе многолетних исследований материала не позволяет говорить о том, что написана история этой экспедиции: несмотря на целый ряд работ, посвященных этой тематике, продолжается как изучение этой экспедиции (важное место здесь занимают многочисленные работы А. Х. Элерта, руководителя «Общества памяти Г. Ф. Миллера» [40]), так и публикация документов и материалов (важнейшие работы в этом направлении ведутся в рамках серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» (отв. редактор В. Хинцше), издаваемой СПбФ АРАН и Фондом Франке (Германия)).

Сбором лингвистического материала в ходе этой экспедиции занимались несколько ученых. Рассмотреть их деятельность в рамках одной статьи не представляется возможным; результаты их работ (как опубликованных, так и оставшихся по сегодняшний день лишь в архивных собраниях) были проанализированы в целом ряде публикаций. В первую очередь, речь идет о руководителе академического отряда Второй камчатской экспедиции, авторе труда, изданного почти через 200 лет после окончания экспедиции, «История Сибири» [41]. Г. Ф. Миллер занимался фиксацией языкового материала народов, населяющих Сибирь и Поволжье, и вскоре после его смерти увидели свет два его сочинения [42; 43], ценность которых для лингвистов заключается во включении в них словника, называемого «Словарь немецко-татарско-черемисско-чувашско-вотско-мордовско-пермяцко-зырянский» [43, S. 382–409]. Его лингвистическая деятельность проанализирована в работах М. И. Боргоякова [44], Т. И. Тепляшиной [9], Е. Б. Беловой [45], в диссертации Л. М. Ившина [10].

Следует упомянуть еще об одной составляющей лингвистической ценности работ Г. Ф. Миллера (как и ряда других экспедиционных исследователей XVIII в.). Ученым был собран большой массив архивных документов делового письма XVII в.: грамоты, памяти, челобитные, отписки и пр., — значительная часть которых была опубликована самим Г. Ф. Миллером в «Истории Сибири» [41]. Эти документы имеют свою ценность как источники по истории русского языка и подвергаются анализу отечественных языковедов [46; 47].

В 1737 г. участник академического отряда Степан Петрович Крашенинников (1711–1755) возглавил отдельный отряд, отправившийся на Камчатку, результатом стало его сочинение «Описание земли Камчатки» [48] — первое научное описание этой территории и народов, ее населяющих. Языковой материал, представленный в этом труде, и по сегодняшний день востребован лингвистами, занимающимися проблемами глоттогонии народностей Камчатки [49].

В 1739 г. в отряд Г. Ф. Миллера был откомандирован историк и археолог, академик (1732) Иоганн Эбергард Фишер (*Johann Eberhard Fischer*, 1697–1771). Несмотря на скромный результат его экспедиционной деятельности [50, с. 73; 51], ему удалось собрать лингвистический материал по языкам удмуртскому, томских и барабинских татар, телеутов и др. (сам И. Э. Фишер называет 35 народов [52]), имеющий и по сегодняшний день ценность в глазах исследователей [10; 53].

Еще один участник Второй камчатской экспедиции был коллектором лингвистического материала — Яков Иванович (Якоб Иоганн) Линденау (*Jakob Lindenau*; 1710(?)–1795). Он был прикомандирован к экспедиции вместе с И. Э. Фишером

в качестве его копииста и переводчика, однако провел большую самостоятельную работу по изучению быта и истории народов Сибири, в частности — якутов, тунгусов, эвенков, коряков, юкагиров, бурят, неизменно составляя их словари, записанные латиницей. Хотя его работы были введены в научный оборот лишь в конце XX в. [54], по значению собранного материала, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов, Я. И. Линденау занимает свое важное место среди участников Второй камчатской экспедиции, предоставив в руки исследователей уникальный этнографический и лингвистический материал [55].

Так, в XVIII в. не было научных путешествий, организованных с исключительно лингвистическими целями, а экспедиции этого времени, хоть и назывались физическими [56], по сути являлись комплексными. В XIX в. Академией наук снаряжаются собственно лингвистические экспедиции. Из семи таких экспедиций две были отправлены в Сибирь.

Первая из них приходится на начало XIX в. Это экспедиция 1805–1806 гг. Юлиуса Генриха Клапрота (*Julius Heinrich von Klapproth*, 1783–1935), немецкого лингвиста-ориенталиста, начинавшего свою научную карьеру как синолог, изучавшего классическую филологию в немецком городе Галле (1801–1802) и приглашенного в 1804 г. в Петербург в качестве адъютанта Академии наук. Весной 1805 г. русское правительство отправило чрезвычайное посольство в Китай во главе с графом Ю. А. Головкиным. От Академии наук в состав посольства были включены ученые, в том числе Ю. Клапрот, для проведения языковых наблюдений. В связи с возникшими разногласиями в церемониале посольство не было допущено в Пекин и должно было вернуться в Иркутск, однако Ю. Клапроту было дано распоряжение продолжить свои исследования в Сибири.

За 2 года он собрал материал о быте и языках тунгусов, башкир, якутов, киргизов, изучал монгольский и маньчжурский языки. На основе составленных словариков Ю. Клапрот смог предложить свою классификацию и позднее, после переезда из России в Париж, опубликовал результаты в работе „Asia polyglotta” [57]. В СПбФ АРАН имеются письма и рапорты Ю. Клапрота с краткими сведениями о его работах [58, л. 1; 59, л. 4–4 об.; 60, л. 35, 82, 322].

Второй явилась экспедиция финского языковеда и этнографа Матиаса Александра (Матвея-Александра, Матвея Христиановича) Кастрена (*Matthias Alexander Castrén*; 1813–1852) 1845–1849 гг. Известный своими трудами по финно-угорским языкам [61], он совершил лингвистические экспедиции по Финляндии, Карелии, на Урал, а затем, по ходатайству академика А. М. Шёгрена, получил предложение Академии наук провести лингвистические исследования в Сибири. Исследования М. А. Кастрена распространились на большую часть Сибири: Тобольск, Березов, Обдорск, бассейны рек Обь, Иртыш, Енисей.

Для ученого это путешествие не было простым: он долгое время страдал туберкулезом легких, и еще до его отправки в Сибирь врачи вынесли ему, по его же собственным словам, «смертный приговор». Однако он ревностно продолжал заниматься своим делом, нередко проживая в весьма некомфортных условиях [62]. М. А. Кастрен описывает такой случай [63, Bd. 2, S. 448]: «Я страдал от невыносимого кашля; кровь пошла горлом так сильно, что все присутствовавшие думали, что настал мой последний час».

Ночью произошел новый и сильный припадок. Я заснул и проспал 20 часов, и вероятно проспал бы и дольше, если бы меня не разбудили прибывшие из волости приказные. Их было пять человек. Во главе их стоял писарь, который прочел мне волостной приказ. Уполномоченные должны были переписать мое имущество и забрать мой труп для вскрытия. Чтобы мне было понятнее, приказ прочли мне три раза» (пер. В. Г. Богораза-тан) [64, с. 12].

Исследования М. А. Кастрена принесли огромный научный материал. Он внес большой вклад в изучение и классификацию финно-угорских, тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков, составил грамматики и словари для 20 языков. Почти все эти языки были до М. А. Кастрена не изучены, некоторые даже неизвестны. В своей инструкции М. А. Кастрену А. И. Шёгрэн прямо говорит о том, что ученому предстоит «распутать этнографический клубок» среди сибирских народов [63, Bd. 2, S. 511].

В СПбФ АРАН сохранилось сочинение «О путешествии доктора Александровского университета М. Кастрена в Северную Сибирь для производства там этнографических и лингвистических исследований» (102 листа) [65]; в деле находятся бумаги организационного характера. В СПбФ АРАН хранятся также рукописи его лингвистических работ, посвященных двум диалектам тунгусского языка [66], которые содержат фонетические правила, графическую запись языка на основе латиницы, словарь с переводом на русский язык и шведский язык, законы словообразования и морфологии, сопровождающиеся длинными рядами склонений и спряжений. Здесь же имеются сведения, записанные другой рукой, — «Слова тунгусов-чапагири»: около 100 слов, включая некоторые числительные в переводе с русского в кириллической графической записи [66, л. 42–45]. При жизни М. А. Кастрен опубликовал те труды, которые относятся к его финно-угорским исследованиям [64], остальное было обработано и издано в 12 томах академиком А. А. Шифнером [63].

Лингвистические наблюдения сохранились в материалах еще одной экспедиции XIX в. в Сибирь — будущего академика Леопольда Ивановича Шренка (*Leopold von Schrenck*, 1826–1894) в Охотское море и Амурский край 1853–1857 гг. Будучи зоологом, Л. И. Шренк, однако, во время своего путешествия проводил этнологические наблюдения, впоследствии опубликованные. Среди архивных материалов экспедиции имеются рукописные словари языка нивхов (гиляков) („Wörterbuch der Giljakischen Sprache“; „Vocabularium der Gilyaken am Amur“, «Собрание слов на гилякском языке, а также список деревень, находящихся в лимане реки Амур и по реке Амур на о. Сахалин»), список гилякских собственных имен и другие лингвистические заметки о гиляках, а также «Мангунский словарь» [67].

Так, экспедиционные академические исследования Сибири XVIII–XIX вв. предоставили науке обширный лингвистический материал и заложили основы изучения нескольких групп языков: палеоазиатских, финно-угорских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, монгольских [68; 69].

Литература

1. *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Tl. 1–5. Berlin, 1962–1977.
2. *Strahlenberg P. J. von.* Vorbericht eines zum Druck fertigigten Werckes von der grossen Tartarey und dem Koenigreiche Siberien. Stockholm, 1726.
3. *Strahlenberg P. J. von.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Ttarey in sich begreiffet in einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völcker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario. Stockholm, 1730.
4. *Катанов Н. Ф.* Швед Филипп Иоганн Страленберг и его труд об истории России и Сибири // Известия Казанского общества археологии, истории и этнографии. 1903. Т. 19, Вып. 2. С. 170–174.

5. *Nova Descriptio Geographica Tartariae Magnae tam orientalis quam occidentalis in particularibus et generalibus Territoriis una cum Delineatione totius Imperii Russici imprimis Siberiae accurate ostensa.* Ph. J. von Strahlenberg, T. A. Matern, P. F. Frisch sculpsit. Paris, 1725.
6. *Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН).* Ф. 98. Оп. 1. Д. 20.
7. *СПбФ АРАН.* Ф. 98. Оп. 1. Д. 25.
8. *Напольских В. В.* Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск, 2001.
9. *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII в. М., 1965.
10. *Ившин Л. М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века: Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2009.
11. *СПФ АРАН.* Ф. 98. Оп. 1. Д. 35.
12. *СПФ АРАН.* Ф. 98. Оп. 1. Д. 39.
13. *Brentjes B. von.* Daniel Gottlieb Messerschmidt — der Pionier der sibirischen Archäologie // Ural-Altäische Jahrbücher. Fortsetzung der “Ungarischen Jahrbücher”. Neue Folge (Wiesbaden). 1988. Bd 8. S. 137–151.
14. *СПбФ АРАН.* Ф. 98. Оп. 1. Д. 36.
15. *Терюков А. И.* У истоков современного финно-угроведения. Филипп Иоганн Страленберг // Арт: Литературно-художественный журнал Республики Коми. 2008. № 2: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.artlad.ru/magazine/all/2008/2/225/226>.
16. *Bondar L. D., Bischoff U.* Die Expedition D. G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. 23–25 апреля 2013 г. / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. С. 251–256.
17. *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий. Т. 1–2. СПб., 1787–1789 (2-е изд. 1790–1791).
18. *Bondar L. D.* Die Expedition von Peter Simon Pallas 1768–1774 in den Materialien der St. Petersburg Filiale des Archivs der RAW: Linguistische Forschungen // Aus Sibirien — 2011: Науч.-информ. сб. (к 75-летию А. В. Христея). Тюмень, 2011. С. 36–40.
19. *СПбФ АРАН.* Ф. 3. Оп. 32. Д. 14.
20. *СПбФ АРАН.* Ф. 3. Оп. 32. Д. 18.
21. *СПбФ АРАН.* Ф. 3. Оп. 32. Д. 2. Л. 1.
22. *СПбФ АРАН.* Ф. 3. Оп. 10. Д. 144.
23. *СПбФ АРАН.* Ф. 3. Оп. 32. Д. 19.
24. *Pallas P. S.* Zoographia Rosso-Asiatica. Petropoli. 1831. P. 7.
25. *СПбФ АРАН.* Ф. 3. Оп. 32. Д. 11.
26. *СПбФ АРАН.* Ф. 3. Оп. 32. Д. 12.
27. *СПбФ АРАН.* Ф. 3. Оп. 32. Д. 13.
28. *СПбФ АРАН.* Ф. 3. Оп. 21. Д. 12.
29. *СПбФ АРАН.* Ф. 21. Оп. 3. Д. 222.
30. *Шафрановская Т. К.* Монголист XVIII в. Иоганн Иериг // Страны и народы Востока. Вып. IV. М., 1965. С. 155–164.
31. *Teigeler O.* Die Herrnhuter in Russland: Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten. Göttingen, 2006.
32. *СПбФ АРАН.* Ф. 1. Оп. 3. Д. 54.
33. *СПбФ АРАН.* Ф. 21. Оп. 3. Д. 135.
34. *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. Т. 1. СПб., 1904.
35. *Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. SPb., 1846.
36. *СПбФ АРАН.* Ф. 21. Оп. 3. Д. 135.
37. *Jählig J.* Extrait des Rapports envoyés à l'Académie par M. le traducteur Jählig // Acta. 1779. Ps. 1. P. 65–88.
38. *Jählig J.* Extrait de lettres de Mrs. Jählig et Hablitzl, lues à l'Académie le 1-er décembre par M. le conseiller de collège Pallas // Nova Acta. 1788. T. 2. P. 81–86.
39. *Pallas P. S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Bd. 1–2. SPb., 1776–1801.
40. <http://www.muller.org.ru>.

41. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1–2. М., 1937.
42. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяковъ. СПб., 1791.
43. Müller G. F. Sammlung russischer Geschichte. Bd. 3. 1758.
44. Боргояков М. И. Словник Г. Ф. Миллера по тюркским языкам Сибири // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971. С. 122–130.
45. Белова Е. Б. Эволюция обозначения удмуртских аффрикат латиницей // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей. Сыктывкар, 2001. С. 53–59.
46. Старыгина Г. М. «История Сибири» Г. Ф. Миллера как лингвистический источник (лексикологический аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.
47. Алишина Х. Ч., Рахимбакиев С. З. «История Сибири» Г. Ф. Миллера как источник изучения ономастики // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 1. С. 250–254.
48. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1755 (2-е изд. доп. М.; Л., 1949).
49. Корсаков Г. М. Лингвистические материалы С. П. Крашенинникова и их значение для исследования палеоазиатских языков // Советский Север. № 2. Сборник статей, посвященных памяти С. П. Крашенинникова, к 225-летию со дня рождения. Л., 1939. С. 129–170.
50. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1965.
51. Georg Wilhelm Steller. Stepan Kraseninnikov. Johann Eberhard Fischer: Reisetagebücher 1735 bis 1743 / Bearb. von W. Hintzsche, Th. Nickol, O. V. Novochatko, D. Schulze. Halle, 2000.
52. Fischer J. E. Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil / Bearb. und hrsg. von J. Gulya. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1995.
53. Ившин Л. М. Материалы И. Э. Фишера по удмуртскому языку // Урало-алтайские исследования. 2010. № 1 (2). С. 86–95.
54. Линденау Я. Описание народов Сибири. Магадан, 1983.
55. Бурькин А. А. Тунгусские шаманские заклинания XVIII века в записях Я. И. Линденау // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Вып. 5. СПб., 1997. С. 123–146.
56. Материалы для истории экспедиций Академии наук XVIII–XIX веков / Сост. В. Ф. Гнучева. М.; Л., 1940.
57. Klaproth J. A. Asia polyglotta, ou Classification des peuples de l'Asie, d'après l'affinité de leurs langues, avec d'amples vocabulaires comparatifs de tous les idiomes asiatiques. Paris, 1823.
58. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2–1806. Д. 13. Л. 1.
59. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2–1807. Д. 1.
60. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 74.
61. Das volle Verzeichnis der Arbeiten // Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти. Л., 1927. С. 132–136.
62. Bondar L. D. Linguistische Expeditionen der Russischen Akademie der Wissenschaften nach Sibirien im 19. Jahrhundert in den Materialien der St. Petersburger Filiale des Archivs der RAW // Aus Sibirien-2013: Науч.-информац. сб. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. С. 17–20.
63. Castrén M. A. Nordische Reisen und Forschungen / Hrsg. von A. Schiefner. Bd. 1–12. SPb., 1853–1862.
64. Богораз-тан В. Г. Кастрен — человек и ученый // Памяти М. А. Кастрена: к 75-летию дня смерти. Л., 1927. С. 3–35.
65. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. Д. 6.
66. СПбФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 214.
67. СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. Д. 1046.
68. Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1–3. СПб., 1888–1894.
69. Вдовин И. С. История изучения палеоазиатских языков. М.; Л., 1954.